

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.025

УДК 321.02

А.Ю. НИКИТИН

соискатель Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, г. Москва
E-mail: mr.nikitinfinuniversitet1978@mail.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ВЕДУЩИХ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА В ПЕРИОД 1990-Х ГГ.

В рамках представленного исследования подвергнут изучению вопрос относительно специфики формирования как политических акторов ведущих групп интересов бизнеса в период 1990-х гг. Методология исследования выстроена на основе сочетания синхронного, дихронного и дескриптивного анализа. Авторы приходят к выводу, что особенности обстоятельств формирования ведущих групп интересов бизнеса в 1990-х гг. ориентировала их на взаимодействие преимущественно вне институционального поля, на неконвенциональной основе, в значительной степени – за счет использования социального инструментального капитала, накопленного в процессе выстраивания отношений с политическим истеблишментом.

Ключевые слова: группы интересов, финансово-промышленные группы, приватизация, государство, 1990-е, Б.Н. Ельцин.

Введение. Группы интересов бизнеса традиционно относятся к числу ведущих политических акторов современной России. Консорциум «Альфа-групп», компании «Металлоинвест», «Интеррос», «Сургутнефтегаз», «Ренова» и многие иные бизнес-структуры устойчиво оказывают существенное влияние на процесс выработки и принятия политических решений как на федеральном, так и на региональном уровне. Однако их функционирование чаще всего анализируется вне контекста ретроспективного анализа. Как следствие, при изучении политического взаимодействия государства и политических партий с деловым сообществом упускается из внимания воздействие факторов, связанных с накопленным ранее опытом интеракций этих субъектов и обстоятельствами их формирования. Не учитывается то обстоятельство, что многие ведущие группы интересов с высоким лоббистским потенциалом занимают соответствующие позиции в рамках политической системы уже около 30 лет. Как результат, анализ их политической активности протекает вне рамок значимого ретроспективного контекста, следствием чего становится появление пробелов в научной системе знаний относительно взаимодействия групп интересов бизнеса с иными политическими акторами.

Целью данного является оценка воздействия специфики обстоятельств формирования ведущих групп интересов бизнеса в 1990-х гг. на их взаимоотношения с органами системы публичной власти как политическими акторами.

Методология работы формируется за счет комбинирования элементов дескриптивного, синхронного и дихронного анализа.

Основная часть. В рамках завершающего периода «перестройки» государственные ведомства, ранее выступавшие в качестве проводников интересов конкретных отраслей, площадок артикуляции или согласования их интересов, начали превращаться в обособленных экономических акторов. Начало этому положил процесс создания государственных концернов (впоследствии преобразованных в акционерные общества) на базе министерств. Примером в данном случае может служить создание в 1989 г. компании «Газпром» и формирование в 1991 г. концерна «Лукойл» на основе активов Министерства нефтедобывающей и газовой промышленности СССР в ходе т.н. «номенклатурной приватизации» [10; 16]. После запуска соответствующих процессов чаще всего контрольный пакет акций новых компаний передавался бывшему руководству курировавшей ранее данное производство государственной структуры, а позиции их директоров доставались бывшим чиновникам, занимавшим в соответствующем ведомстве позицию заместителя руководителя (именно в рамках данного алгоритма было сформировано, например, акционерное общество «Норильский никель») [6].

Параллельно с не меньшей интенсивностью развивался процесс «неформальной приватизации». Во-первых, в формирование новых бизнес-элит все активнее вовлекались предприниматели из числа бывших функционеров КПСС и комсомола. Последние получили возможность заниматься бизнесом на преференциальных условиях благодаря созданию в 1986 г. системы центров научно-технического творчества молодежи (наделенных не только правом заниматься выпуском товаров народного потребления и вести внешнеэкономическую деятельность, но и разнообразными льготами, включая налоговые). Наличие последних, наряду с повышенными гарантиями защиты от давления криминальных структур, формировало в случае предпринимателей, относящихся к партийной и комсомольской номенклатуре, стратегическое конкурентное преимущество на рынке. Можно упомянуть, что финансово-промышленная группа «Роспром – Менатеп – ЮКОС» была фактически создана на основе центра научно-технического творчества молодежи при Фрунзенском райкоме ВЛКСМ Москвы (именно она выступила площадкой для формирования Центра межотраслевых научно-технических программ «Менатеп») [22. С. 7-22]. Во-вторых, в процессе формирования делового истеблишмента также активно участвовали представители «теневой экономики», в первую очередь – бывшие цеховики. Доступ к дешевым ресурсам государственных предприятий, возможность использовать в свою пользу разницу между государственными и коммерческими ценами, снижение контроля за качеством выпускаемой продукции, существование на предприятиях «подпольных цехов», возможность реализации сырья госпредприятий на «черном рынке» – все это создавало крайне благоприятные условия для накопления первоначального капитала, одновременно давая «теневикам» значимые преимущества перед рядовыми кооператорами [17; 20]. В третьих, участие в генерации бизнес-истеблишмента принимали также представители организованной

преступности, использовавшие экономическую и политическую ситуацию с целью легализации накопленного капитала и конвертации ресурсов в развитие легального бизнеса. По оценке органов МВД, только за период 1988-1990 гг. лидеры организованных преступных группировок вложили в реализацию бизнес-инициатив около 20% доступных им финансовых средств [13].

Бизнес-структуры, формируемые в ходе «номенклатурной» и «неформальной» приватизации, отличали не только обстоятельства происхождения и социальный состав участников. Их бизнес модели и стратегии развития также обладали ярко выраженной спецификой. «Номенклатурная приватизация» предполагала не просто переход в частную собственность крупных сегментов преимущественно реального производства. Она выстраивалась на основе принципа организационного сохранения сложных производственных объединений, а также обеспечения кадровой базы их функционирования. Данная модель приватизации была ориентирована на сохранение ключевых производственных кластеров и их преобразование в крупные конкурентоспособные компании, способные эффективно функционировать на международном рынке и обладающие определенной миссией – стратегической сверхцелью [1. С. 28].

Вновь формируемые в ходе «неформальной приватизации» бизнес структуры выстраивались преимущественно вокруг экспортно-импортных операций и, как правило, были слабо связаны напрямую с реальным производством. В роли их организационного ядра в большинстве случаев выступали недавно созданные коммерческие банки. Восприятие их руководством приобретаемых материальных активов носило сугубо утилитарный характер и не ограничивалась ранее сформированными отраслевыми традициями и ценностями. Кадровая база, обеспечивавшая работу новых бизнес-структур, была чаще всего слабо связана с советской управленческой номенклатурой, в силу чего культура менеджмента и подходы к развитию компаний в группах интересов, возникших в ходе «неформальной приватизации», и структурах, созданных в процессе «номенклатурной приватизации», существенно отличались [3. С. 61-68; 15. С. 67-71].

Результирующей этих различий стало формулирование двух разных подходов к развитию экономики и выстраиванию взаимоотношений между государством и группами интересов, представляющими бизнес.

Позицию крупных компаний, возникших в результате «номенклатурной приватизации», на уровне высшего политического руководства артикулировал В.С. Черномырдин. Он настаивал на необходимости формирования на основе советских естественных монополий 15-20 крупных концернов смешанного типа, с совместным участием бизнеса и государства, экспансия которых на международные рынки должна были сыграть роль «драйвера роста» для всей национальной экономике. Эту позицию поддерживали не только крупнейшие акционерные общества, формируемые на основе госконцернов, но и руководство ключевых структур финансового сектора – Центробанка, Сбербанка, Внешторгбанка и Внешэкономбанка. Более того, «платформу Черномырдина» в целом комплементарно оценивали и многие оппозиционные структуры, в частности – КППФ, руководство которой позиционировало реструктуризацию и дробление

естественных монополий в качестве угрозы для национальной экономики [23. С. 72-86].

Однако реализации планов главы правительства и его сторонников во властных структурах активно противодействовала группа, в роли негласного лидера которой выступал А.Б. Чубайс. Последний, занимая сначала позицию председателя Государственного комитета по управлению имуществом РФ, а затем первого заместителя главы федерального правительства, как минимум, вплоть до 1997 г. оставался одной из ключевых фигур «экономического блока» кабинета министров. По мнению А.Б. Чубайса и его сторонников, экономика России нуждалась в проведении радикальных реформ неолиберального толка, что предполагало минимизацию присутствия государства в экономике, сокращение его регулятивных функций, отказ от протекционистских практик и т.д. [2; 7. С. 42-47].

Ситуацию усугубляло то, что «номенклатурные» группы интересов изначально обладали существенными возможностями продвижения своих интересов через систему институтов публичной власти за счет высокой доли присутствия представителей соответствующих коммерческих организаций в органах власти. Характерным примером в данном случае может служить состав федерального правительства на период 1991-1993 гг. Например, интересы различных отраслей горной промышленности в его составе в этот период представляли бывший председатель правления «Газпрома» В.С. Черномырдин (первоначально - заместитель председателя Правительства РФ по топливно-энергетическому комплексу, затем - глава кабинета министров), экс-глава аппарата председателя «Газпрома» В.П. Квасов (занял позицию главы аппарата правительства), бывший генеральный директор входящего в структуру «Лукойла» предприятия «Лангепаснефтегаз» Ю.К. Шафранник (министр топлива и энергетики) и президент корпорации «Росчермет» О.Н. Сосковец (председатель Комитета Российской Федерации по металлургии). Группы интересов, сформированные в ходе «неформальной приватизации», в большинстве случаев не располагали сколь-либо сопоставимым представительством в системе исполнительной власти, и стремились любыми возможными способами устранить эту диспропорцию ресурсов влияния [4].

Фактически модель В.С. Черномырдина предполагала придание государству статуса верховного модератора, формирующего гласные и негласные «правила игры» для бизнеса, отслеживающего их соблюдение, выстраивающего институциональную среду для репрезентации интересов коммерческих структур и налаживания обратной связи между властными структурами и коммерческим сектором [18. С. 61-78]. В обмен на ограничение автономии бизнес-сообщества государство в рамках данной модели обеспечивало бы защиту деловых структур от экспансии внешних конкурентов, создавало бы благоприятные условия для расширения присутствия российских компаний на внешних рынках и гарантировало бы привлечение к ответственности групп интересов, выстраивающих конкуренцию с нарушением консенсусных правил и обычаев ведения бизнеса [9].

Концепция сторонников А.Б. Чубайса предполагала скорее «хаотизацию» взаимоотношений деловых структур с государством и между собой. Однако не до конца понятно, имеет ли место в данном случае проявление «рыночного фундаментализма», либо в действительности неолиберальные идеологические нарративы использовались для обоснования стремления групп интересов, возникших в результате «неформальной приватизации», подорвать легитимность амбиций и планов основных конкурентов в лице крупных компаний, смонтированных в результате «номенклатурной приватизации» [11].

Таким образом, изначально противостояние двух подходов к выстраиванию взаимоотношений бизнеса с государством во многом соответствовало противопоставлению крупных компаний, работающих в реальном секторе экономики, и банковских структур, вовлеченных в экспортно-импортные операции. Однако эта дихотомия имела под собой реальные основания лишь на начальном этапе формирования групп интересов крупного бизнеса [19].

В 1992 г. в России был запущен процесс ваучерной приватизации, в 1993-1994 гг. государство провело чековые аукционы и реализовало инвестиционные конкурсы по приобретению акций промышленных предприятий, в 1995 г. прошли залоговые аукционы, позволившие ряду крупных банков получить контрольные пакеты акций крупнейших промышленных предприятий, ранее находившиеся в собственности государства. Участие в разнообразных приватизационных конкурсах при этом предполагало соответствие претендентов фиксированным инвестиционным показателям. В результате банковские группы были вынуждены интегрироваться с производственными, отказываясь от чисто финансового формата ведения бизнеса [12. С. 66-82].

Следствием этого стало формирование сети полноценных финансово-промышленных групп (ФПГ) на основе возникших ранее групп интересов. Причем к моменту возникновения этих структур бизнесмены, создавшие свои компании в рамках «неформальной приватизации», не сумели сформировать эффективно работающую институциональную среду представительства своих интересов перед властью. Результатом чего стала краткосрочная (вплоть до начала 2000-х гг.) монополизация функции представительства интересов делового сообщества ограниченным кругом ведущих ФПГ [5. С. 171-198].

При этом полноценная институциональная среда для отстаивания интересов крупных компаний на политическом уровне так и не сформировалась. Бизнес-структуры, сформировавшиеся в ходе «неформальной приватизации» и лишенные естественных каналов продвижения своих интересов, пытались консолидировать свои усилия в рамках воздействия на систему публичной власти, как минимум, с момента создания в декабре 1992 г. группы «Предпринимательская политическая инициатива», в состав которой вошли, в том числе, М.Б. Ходорковский, В.В. Виноградов и К.А. Бендукидзе. Однако высокий уровень конфликтности членов данного объединения, связанный с претензиями множества лиц на положение неформального лидера, достаточно быстро привел к распаду ППИ [10]. В октябре 1993 г. по инициативе И.Х. Кивелиди (гендиректора ВЭА «Интерагро» и ВО «Внешэкономкооперация») была сформирована организация «Круглый стол

бизнеса России». Однако она почти сразу же вступала в конфликт с созданным еще в 1990 г. Российским союзом промышленников и предпринимателей (представлявшим в начале 1990-х гг. преимущественно интересы структур, возникших в ходе «номенклатурной приватизации»). Последствия этого отчасти удалось преодолеть за счет того, что И.Х. Кивелиди занял ультраолистскую позицию в ходе противостояния Б.Н. Ельцина с Верховным Советом (бизнесмен при этом заявил о готовности 26 крупных предпринимателей, входящих в КСБР, оказать прямую финансовую поддержку исполнительной власти). Позиции КСБР усилились за счет того, что И.Х. Кивелиди занял в августе 1994 г. позицию заместителя координатора Совета по промышленной политике и предпринимательству при федеральном правительстве. Однако летом 1995 г. руководство КСБР вступило в прямой конфликт с неформальным объединением крупнейших банковских групп по вопросу об их участии в залоговых аукционах. После убийства И.Х. Кивелиди государство заняло в рамках данного конфликта сторону представителей банковских групп, а КСБР в короткие сроки лишился накопленного объема влияния [25. С. 27-52].

Представители бизнеса, еще не включенных в структуру активов ведущих групп интересов, пытались реализовывать групповые задачи и за счет создания отраслевых объединений. В частности, в 1995 г. был создан Союз нефтегазопромышленников России, а в 1999 г. – некоммерческое партнерство «Горнопромышленники России». Однако большинство структур такого рода, во-первых, сформировались достаточно поздно и на период 1990-х гг. еще не успели полноценно реализовать свой потенциал, во-вторых, должны были первоначально пережить период урегулирования острых внутриотраслевых конфликтов, и, в третьих, находились в неравных условиях с крупными группами интересов, обладавших эксклюзивным доступом к лицам, принимающим решения в органах публичной власти [21].

Таким образом, вертикально-интегрированные компании, сформировавшиеся к середине 1990-х гг., вплоть до прихода на пост президента В.В. Путина заняли позицию основных представителей интересов бизнес-сообщества перед органами публичной власти федерального уровня.

Большинство исследователей солидарны в том, что общее количество финансово-промышленных групп колебалось в пределах нескольких десятков (от 42 до 61) [14; 17; 21].

Так, согласно результатам исследований Г.П. Черникова и Д.А. Черниковой, за период 1992-1998 гг. в России сформировалась 61 ФПГ. 30 из них были отнесены к числу ведущих, способных активно воздействовать на политику государства и таким образом продвигать свои интересы. Две трети ведущих ФПГ были отнесены исследователям к числу структур, бизнес которых основывался преимущественно на основе эксплуатации активом, относящихся к отраслям горной промышленности (по большей части – к топливно-энергетическому комплексу).

При этом все исследователи проявляют солидарность, выделяя около 10 ключевых финансово-промышленных групп, определявших общую структуру и динамику взаимодействия крупного бизнеса с государством. Состав этого

кластера в интерпретации разных исследователей несколько отличался в зависимости от используемой конкретным автором методологии. Чаще всего перечень ведущих ФГП включает в себя:

- консорциум «Альфа-групп» М.М. Фридмана;
- группу «Газпрома»;
- группу «Интеррос-ОНЭКСИМ» В.О. Потанина и М.Д. Прохорова, сформированную на основе структур Министерства внешней торговли СССР;
- группу «Лукойла» В.Ю. Алекперова;
- группу банка «Московский деловой мир» (МДМ) А.И. Мельниченко;
- т.н. «московскую группу», выстроенную Ю.М. Лужковым. Согласно ряду концепций, в роли ее организационного ядра длительное время выступала АФК «Система»;
- группу РАО «ЕЭС России»;
- группу «Роспром – Менатеп – ЮКОС» М.Б. Ходорковского [8. С. 24; 14. С. 16, 17; 16. С. 38-41, 191-194; 24. С. 13-31, 42-52];
- группу «Инкомбанка» В.В. Виноградова;
- группу банка «Российский кредит» В.Б. Малкина и Б.Г. Иванишвили;
- группу Березовского-Смоленского.

Отдельно следует выделить еще формировавшуюся в исследуемый период группу интересов Р.А. Абрамовича – О.В. Дерипаски. Подчеркнем, что формально данная группа возникла лишь в начале 2000-х гг. после достижения соглашения о создании холдинга «Русский алюминий» на основе объединения активов «Сибнефти» (одним из ключевых акционеров которой являлся Р.А. Абрамович) и «Сибирского алюминия» (позицию президента компании занимал О.В. Дерипаска).

При этом часть пересчисленных объединений были во многих аспектах интегрированы между собой за счет наличия тесных межличностных связей между их лидерами и ближайшим окружением Б.Н. Ельцина. Фактически они образовывали супергруппу интересов, обозначаемую публицистами как «семья» или «семья Ельцина». В частности, к данной супергруппе относились структуры Р.А. Абрамовича – О.В. Дерипаски и группа Березовского-Смоленского. Группа банка «Московский деловой мир» тесно взаимодействовала с «семьей» через А.Л. Мамута. Прочно связанными с супергруппой оказались и также группы «Роспром – Менатеп – ЮКОС» и консорциум «Альфа-групп». Членом «семьи» был и А.Б. Чубайс, который на некоторое время сумел во многих аспектах взять под контроль деятельность ФПГ «Интеррос» и в 1998 г. возглавить «РАО ЕЭС».

Заключение. Таким образом, специфика обстоятельств формирования ведущих групп интересов бизнеса в 1990-х гг. ориентировала их на взаимодействие преимущественно вне институционального поля, продвижение собственных интересов за счет выстраивания интерперсональной коммуникации с представителями высшего политического руководства, отказ от согласования стратегических целей и выработку системы конвенциональных «правил

игры». Последнее обуславливалось как высокой гетерогенностью бизнес-элит с точки зрения их рекрутирования, так и отказом политического руководства следовать корпоративистскому алгоритму взаимодействия государства с деловым сообществом, предложенным участниками «номенклатурной приватизации». Следствием этого стало фактическое размывание границ между системой публичной власти и крупным бизнесом, получившим возможность использовать ресурсы государства для решения узкокорпоративных задач. Данную негативную тенденцию усугубляло наличие выраженного конфликта в структуре исполнительной власти между группами во главе с В.С. Черномырдиным и А.Б. Чубайсом. Сформированная в этих условиях модель взаимодействия власти и бизнеса способствовала росту конкуренции между ведущими группами интересов, одновременно открывая для них возможности по подавлению оппонентов путем использования социального инструментального капитала, накопленного в процессе выстраивания отношений с политической элитой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вардоль Н. Олигархи-подпольщики // Коммерсантъ Власть. 2003. № 43.
2. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. М., 2000.
3. Журавлев А.Л., Поздняков В.П. Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социологические исследования. 1997. № 5.
4. Зудин А.Ю. Бизнес и политика в посткоммунистической России. М.: ЦПТ, 1995.
5. Зудин А. Неокорпоративизм в России? // Pro et contra. 2001. Vol. 6. No 4.
6. Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. М.: Экономика, 2002.
7. Кинякин А.А. Заинтересованные группы интересов как скрытая составляющая политического процесса // Актуальные проблемы политики и политологии в России. М.: РАГС, 2003.
8. Колчин С. Борьба «старого» и «нового». Взгляд через призму влияния российских нефтеолигархов // Мировая энергетическая политика. 2003. № 3.
9. Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000.
10. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2004.
11. Лапина П.Ю. Бизнес и политика в современной России. М., 1998.
12. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
13. Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М., 2003.
14. Мухин А.А. Бизнес-элита и государственная власть: кто владеет Россией на рубеже веков. М., 2001.
15. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. Санкт-Петербург, 2008.

16. Паппэ Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992-2000 годов. М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2000.
17. Паппэ Я.Ш., Еалухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2009.
18. Паппэ Я.Ш. Отраслевые лобби в Правительстве России // Pro et Contra. 1996. Т. I.
19. Паппэ Я., Дементьев В., Макаренко Б., Зудин А. Финансовопромышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России. М., 1997.
20. Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. М., 2006.
21. Семененко И.С. Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М., 2001.
22. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. Политические исследования. 2009. № 2.
23. Холодковский К. Российская приватизация: столкновение интересов // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 1.
24. Черников Г.П., Черникова Д.А. Кто владеет Россией? М.: Центрполиграф, 1998.
25. Яковлев А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1.

A.YU. NIKITIN

Applicant of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

CIRCUMSTANCES OF FORMATION OF LEADING BUSINESS INTEREST GROUPS IN THE 1990S

The presented study examines the issue of the specifics of the formation of leading business interest groups as political actors in the 1990s. The research methodology is based on a combination of synchronous, dichronic and descriptive analysis. The authors conclude that the specific circumstances of the formation of leading business interest groups in the 1990s oriented them toward interaction primarily outside the institutional field, on an unconventional basis, to a large extent due to the use of social instrumental capital accumulated in the process of building relationships with the political establishment.

Key words: interest groups, financial and industrial groups, privatization, state, 1990s, B.N. Yeltsin.